
Герменевтика как метод гуманитарных наук. Опыт архивных исследований*

© 2019 г. Т.Г. Щедрина

Институт социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета (МПГУ), Москва, 119435, ул. Малая Пироговская, д. 1.

E-mail: tannirra@mail.ru

Поступила 14.03.2019

В современной философско-методологической литературе герменевтика отнюдь не всегда рассматривается в качестве познавательной стратегии. Сфера ее применения ограничивается, зачастую, гуманитарным знанием. Сегодня после обстоятельных философских трудов М. Хайдеггера и Х.-Г. Гадамера уже практически не оспаривается онтологический статус герменевтики, а вместе с их аргументацией принимается и истолкование понимания как бытия мира. Более того, поскольку в современных философско-методологических разработках господствуют идеи релятивности научного познания и признание множественности интерпретаций как необходимого элемента современной научной картины мира, герменевтика именно в онтологической проекции получает признание в качестве элемента научного познания в целом. Конечно, мало кто сегодня усомнится в том, что интерес к герменевтике как методу связан с плюрализмом мнений и, соответственно, с релятивизацией научного познания. И это толкование герменевтики вполне вписывается в современные интеллектуальные тренды. Однако, разрушительность релятивистских установок для науки становится сегодня все более очевидной и стимулирует поиск концептуальных альтернатив в философско-методологическом сознании науки. В этом контексте особый интерес вызывает мнение русского философа, занимавшегося проблемами понимания и истолкования еще в начале XX в., и разрабатывавшего идею герменевтики как метода познания, которая может быть противопоставлена ее релятивизирующей трактовке. Это позиция Густава Густавовича Шпета. В статье будет актуализирована его концепция герменевтики как методологической стратегии гуманитарных наук и показано ее значение применительно к практике научного исследования архивных текстов.

Ключевые слова: герменевтика, гуманитарные науки, истолкование, смысл, значение, достоверность.

DOI: 10.31857/S004287440007351-1

Цитирование: *Щедрина Т.Г.* Герменевтика как метод гуманитарных наук. Опыт архивных исследований // Вопросы философии. 2019. № 11. С. 40–44.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-011-01187 «Густав Шпет как методолог гуманитарного знания: реконструкция архивных материалов».

Hermeneutics as a Method of Humanities. Experience of Archival Research*

© 2019 г. Tatiana G. Shchedrina

*Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow State Pedagogical University, 1,
Malaya Pirogovskaya str., Moscow, 119435, Russian Federation.*

E-mail: tannirra@mail.ru

Received 14.03.2019

In modern philosophical and methodological literature, hermeneutics is by no means always considered as a cognitive strategy. The scope of its application is limited, as a rule, to the field of humanities. Today, after the thorough philosophical works of M. Heidegger and H.-G. Gadamer practically no longer disputed the ontological status of hermeneutics, and along with their argumentation, the interpretation of understanding as the existence of the world is accepted. Moreover, since the ideas of the relativity of scientific knowledge and the recognition of the multiplicity of interpretations as a necessary element of the modern scientific picture of the world prevail in modern philosophical and methodological developments, hermeneutics is recognized in the ontological projection as an element of scientific knowledge as a whole. Of course, few people today doubt that interest in hermeneutics as a method is associated with pluralism of opinions and, accordingly, with the relativization of scientific knowledge. And this interpretation of hermeneutics fits well with modern intellectual trends. However, the destructiveness of relativistic attitudes for science today is becoming more and more obvious and stimulates the search for conceptual alternatives in the philosophical and methodological consciousness of science. In this context, the opinion of the Russian philosopher, dealing with the problems of understanding and interpretation at the beginning of the 20th century, and developing the idea of hermeneutics as a method of cognition, which can be opposed to its relativistic interpretation, is of particular interest. This is the position of Gustav Gustavovich Shpet. The article will update his concept of hermeneutics as a methodological strategy for the humanities and show its significance in relation to the practice of the scientific study of archival non-texts.

Key words: hermeneutics, humanities, interpretation, sense, meaning, reliability.

DOI: 10.31857/S004287440007351-1

Citation: Shchedrina, Tatiana G. (2019) 'Hermeneutics as a Method of Humanities. Experience of Archival Research', *Voprosy Filosofii*, Vol. 11 (2019), pp. 40–44.

Г.Г. Шпет был, как известно, первым российским философом, обратившимся к систематической разработке герменевтики как метода науки. К проблематике понимания в России обращались и до него, и параллельно с ним. Но заслуга разработки философской герменевтики именно как метода науки принадлежит Шпету. И заслуга эта имеет серьезные концептуальные основания в традициях русской философии, которые собственно и акцентировал Шпет, обосновывая методологический статус

* This work was financially supported by the RFBR, project № 18-011-01187 «Gustav Shpet as a methodologist of humanitarian knowledge: reconstruction of archival materials».

герменевтики. В центре его интеллектуальных поисков была идея историзма, которая, по его мнению, лежала в основании отечественной философской традиции.

На протяжении всей творческой жизни Шпет разрабатывал историческую философскую программу. Историзм придает философии конкретность, дает возможность понять конкретный культурно-исторический контекст, определяющий реальное сознание людей и господствующие в то или иное время идеи, которые, как он полагал, не имеют истории, но им присуще достоинство. При этом историчность философии не сводится Шпетом к историософским интерпретациям развития человечества, но рассматривается как интерпретация настоящего и прошлого, связанная с осознанием человеком самого себя в окружающей реальности. «Историческое познание, — полагал Шпет, — никогда не является познанием чувственным или рассудочным или познанием внешнего, либо внутреннего опыта, а *всегда* есть познание, предполагающее уразумение и интерпретацию, как средство уразумения. Такого рода познание можно условиться называть *семиотическим познанием*. Оно требует собственной гносеологии» [Шпет 2014, 205]. И в силу этого, в центре его философских поисков естественным образом оказывается герменевтика. Ибо реальность человека в истории есть сфера подлежащих осмыслению знаков, имеющих смысл. Ученый должен уразумевать смысл этих знаков и уметь выражать его для других. «История есть по существу наука не техническая, а *герменевтическая*» [Шпет 2014, 33].

Шпет конечно же прекрасно был знаком с осмыслением проблемы понимания в европейской традиции, но, двигаясь от истории, он раскрывал такие измерения истолкования и интерпретации, которые фактически открывали новые методологические перспективы разработки герменевтики, не потерявшие актуальности до наших дней. Речь идет о том, как он представлял историческое развитие герменевтики. Он выделял путь аллегорической школы, узаконивавшей множественность истолкований и путь школы исторической, искавшей единственно возможное толкование. Однако для самого себя выбирал исторический путь к единственному (конкретному) смыслу и, опираясь на историзм, ставил задачу разработать особую герменевтическую «теорию познания» гуманитарной реальности. «Своеобразие этой теории познания — рассуждает Шпет — станет ясным, если сопоставить ее с логикой. Логика понятия, как выражения, по существу есть дисциплина семиотическая, но тогда как для других эмпирических наук она может считаться с понятием предмета, как значением выражения, для понятий исторических дело усложняется тем, что само значение исторического понятия выступает как знак, который может быть раскрыт только средствами *специальной герменевтики* (курсив мой. — Т.Щ.)» [Шпет 2014, 33]. Конкретизируя позицию Шпета, А.А. Митюшин замечает: «Проблема интерпретации решается у Шпета в аспекте антитезы однозначного и многозначного истолкования текста. Это один из кардинальных вопросов логики гуманитарных наук. Шпет самым решительным образом защищает принцип однозначного толкования, ибо слово, поскольку оно находится в определенном контексте, “должно иметь не только значение, как знак, но должно еще прикрывать собою самое *ratio*, как смысл”. Единственность и уникальность исторического смысла раскрывается в логической форме именно как его однозначность» [Митюшин 1989, 230].

Как мы видим, позиция Шпета по самой своей сути ориентирована на практику познания. Причем, замечу, отнюдь не только гуманитарного. Но в данном случае, я хочу продемонстрировать ее методологическую эффективность на материале весьма конкретных гуманитарных исследований. Герменевтическая методология, подразумевающая поиск единственного смысла артефакта, делает возможным, в частности, исследование черновых материалов философов, и претендует при этом на их однозначное понимание с опорой на культурно-исторический и научно-библиографический контекст творчества этих философов. Такого рода черновики — это знаковые системы, которые предполагают именно уразумение и истолкование их смысла. Ведь автор черновых набросков всегда подразумевал нечто конкретное (событие, высказывание, цитату, автора и т.д.), которое и нужно понять как единственное и уникальное. Тот же принцип — нацеленность на смысл знака — лежит в основании и комментаторской работы, которая (как и в случае расшифровки рукописи)

предстает как осмысление знака — мы его можем читать, но его единственный смысл неясен, его надо найти и представить.

С эпистемологической точки зрения, эффективность описанной выше исследовательской работы определяется тем, насколько удастся совместно использовать в качестве методологического ориентира зачастую противопоставляемые трактовки истины — корреспондентной и когерентной. Черновик это по сути не-текст, поскольку его смысловая структура нам изначально не дана. Но я полагаю, что не-текст все-таки имеет потенциальную связанность, т.е. приступая к разгадыванию содержащихся в нем знаков, основываюсь на принципе когерентности. Это позволяет рассматривать искомый знак в его отношении к другим элементам не-текста и, опираясь на герменевтическую методологию, пробрасывать смысл в историю. Мы выдвигаем гипотезы по поводу неясных знаков и ищем их соотносительности с другими частями не-текста. Более того, мы выходим за рамки не-текста в текст «большой культуры» (в данном случае таким «большим» текстом становится история (как архив эпохи) или, как это ни парадоксально, Интернет). Опыт такой работы позволяет утверждать, что нацеленность на поиск единственного смысла в расшифровке не-текстов — оправдана.

К примеру, как удалось истолковать смысл шпетовских черновых «Заметок о музыке», хранящихся в НИОР РГБ? Это несколько страниц написанного карандашом конспекта какого-то произведения. На каждой новой строке — номер страницы и рядом предложения в кавычках. Но откуда эти цитаты? При чтении не-текста стало понятно, что это строки из какого-то произведения, посвященного внутренней форме музыки. На одной из страниц удалось разобрать заглавную букву «Ф.» (вероятно, это фамилия автора конспектируемого произведения). А дальше началось истолкование и выдвижение гипотез с привлечением всего ранее просмотренного архивного материала. Одна из гипотез подтвердилась. Я вспомнила, что в РГАЛИ хранится рукопись книги С. Фейнберга «Судьба музыкальной формы» (на карточке значилось: «с пометками Шпета»). Сравнение страниц этой рукописи Фейнберга и цитат шпетовских «Заметок о музыке» показало, что Шпет сделал конспект именно этой рукописи Фейнберга (см.: [Щедрина 2007, 549]).

Вот почему искать и находить точное высказывание, скрывающееся за истолковываемым знаком, можно и нужно. Мы приходим к истине (в ее корреспондентном облики). Уясняя искомый смысл знака, мы можем других привести к очевидности и указать: «вот он». «Приведение к очевидности» это важнейший феноменологический прием, который Шпет обсуждал в книге «Явление и смысл»: «если мы вдумаемся в смысл и значение того, что мы называем ясным и отчетливым видением, видением при полном свете нашего сознания, мы убедимся, что речь идет о непосредственном усмотрении и что это и есть не что иное, как *очевидность*» [Шпет 2005⁶, 100]. Причем этот прием был для него настолько важен, что напротив этого предложения он в личном экземпляре написал на полях: «*!NB! Вставить и развить!*: Этим отождествлением мы, стало быть, отличаем очевидность, о которой здесь идет речь, от очевидности *не в прямом* смысле, как это бывает в дискурсивном мышлении, где очевидность скорее гарантируется очевидной достоверностью логических процессов и приемов, чем непосредственным усмотрением» [Шпет 2005⁶, 100]. На мой взгляд, в этом дополнении на полях важнейшим словом-понятием является «достоверность», как один из гарантов истинности истолковываемого выражения. Замечу, что именно проблема «достоверности истории» была краеугольным камнем герменевтики Хладенюса, и Шпет весьма последовательно ее освещает (см.: [Шпет 2014^a, 211–217]).

В заключение приведу еще одно рассуждение Шпета, являющееся своего рода «предостережением» для тех, кто хочет видеть в герменевтической методологии исключительно методику поиска смыслов слов: «труднее всего разгадать эту загадку, пока мы в поисках ответа на нее не сходим с места ее начала: понимания слова, как такого. Не одно обращение за помощью к историческим реальным условиям показывает, что, оставаясь на месте этого начала, мы никакого ответа не находим. <...> в понимании просматривается самое существенное, и от него остается в руках исследователя только шелуха в виде какого-то неопределенного типа “предварительного

знания” или “знакомства”. Получаются известные больше своей назидательностью, чем содержательностью, формулы: чтобы понимать, нужно *знать* слова, формы, конструкции и т.п.; а к ним на помощь: знакомство с исторической обстановкой и пр. Где же ^{само} понимание, в чем его роль? Неудивительно, что следовавшие за Бемом авторы герменевтик — Бласс, Бирт, — поглощенные уже исключительно формально-практическими задачами научения “комментировать” тексты, ничего больше не требуют, как только “знакомства” с словарями, грамматиками, реалиями и т.п. Достаточно, по-видимому, изучить это все, и аппарат понимания придет в движение сам собою. Может быть, это и так, но тогда роль герменевтики не в уяснении принципов этого аппарата, а лишь, так сказать, в смазочном материале для действия его колес и шестерней» [Шпет 2005^a, 352–353]. Все это дает основание утверждать, что герменевтическая методология, которую разрабатывал Шпет, оказывается актуальной сегодня для исследователей-гуманитариев.

Источнику — Primary Sources in Russian

Шпет 2005^a — *Шпет Г.Г.* Герменевтика и ее проблемы // Шпет Г.Г. Мысль и Слово. Избранные труды / Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2005. С. 248–419 [Shpet, Gustav G. *Hermeneutics and its problems* (In Russian)].

Шпет 2005^b — *Шпет Г.Г.* Явление и смысл // Шпет Г.Г. Мысль и Слово. Избранные труды / Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2005. С. 35–190 [Shpet, Gustav G. *Appearance and sense* (In Russian)].

Шпет 2014 — *Шпет Г.Г.* История как проблема логики: Критические и методологические исследования. Часть первая. Материалы / Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. М.; СПб.: Университетская книга, 2014 [Shpet, Gustav G. *History as a Problem of Logic: Critical and Methodological Studies. Part one. Materials* (In Russian)].

Ссылки — References in Russian

Митюшин 1989 — *Митюшин А.А.* Об исследовании Г.Г. Шпета «Герменевтика и ее проблемы» // Контекст. Литературно-теоретические исследования. М.: Наука, 1989.

Щедрина 2007 — *Щедрина Т.Г.* Комментарии // Шпет Г.Г. Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры / Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2007. С. 502–681.

References

Mityushin, Aleksandr A. (1989) ‘About the study of G.G. Shpet *Hermeneutics and its problems*’, *Context. Literary and theoretical studies*, Nauka, Moscow, pp. 229–230. (in Russian).

Shchedrina, Tatiana G. (2007) ‘Comments’, *Shpet, Gustav G. Art as a Kind of Knowledge. Selected Works on the Philosophy of Culture*, ROSSPEN, Moscow, pp. 502–681 (in Russian).

Сведения об авторе

ЩЕДРИНА Татьяна Геннадьевна — доктор философских наук, профессор кафедры философии Института социально-гуманитарного образования МПГУ.

Author’s information

SHCHEDRINA Tatiana G. — DSc in Philosophy, Professor at Department of Philosophy of Institute of Social Humanitarian Education at MSPU.